

Поэма В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов» стоит в ряду тех судьбоносных произведений русской и мировой литературы, которые, концентрируя в себе на роковых исторических рубежах созидательно-спасительное самосознание народа, сами становятся фактором его национально-исторического и художественного самоутверждения в настоящем и будущем. Поэма, которая возникла как откровение в самом горниле войны и – из горнила народно-национального духа. Произведение из тех, по которым человек и эпоха сверяют свою жизненную состоятельность и которые сами, обращённые к основам основ национально-исторического существования и, являясь в органически лёгкой речевой форме, обретают непреходящую и в каждую новую эпоху самообновляющуюся и возрастающую художественно-эстетическую и эмоционально-мобилизующую значимость. В связи с этим оправданы имеющиеся типологические сопоставления «Певца» Жуковского с дошедшими до нас фрагментами поэтической героики эллина Тиртея, кельта Оссиана и – великой «Марсельезы» Руже де Лиля. Василий Андреевич Жуковский был участником Отечественной войны, вступив в пехотный полк Московского ополчения в звании поручика, был прямым свидетелем Бородинской битвы, а затем состоял при штабе Главнокомандующего фельдмаршала М.И.Кутузова. Его поэма была написана в короткий и самый трагический период войны: 14 сентября – 18 октября 1812-го, т.е. между занятием французами Москвы и знаменитым Тарутинским сражением, положившим начало изгнания Наполеона из России. Поэт тогда же привёз её в действующую армию, она сразу распространилась в воинской среде, и в обществе, а сам поэт обрёл общенациональную славу. В своём «Певце» Жуковский впервые в русской литературе явил феномен отечественной патриотики не только как неперемногого свойства национально-государственного самосознания, что было и до него (Ломоносов, Тредиаковский, Державин), но и как свойство эмоционально-нравственного мира, как состояния души. Он соединил государственный патриотический долг с семейно-родовыми и сугубо личными чувствами дружбы, любви и художественного творчества, впервые явив в рамках романтического мирозерцания русский национальный характер в его жизненной многомерности и внутренней целостности, и главный философско-исторический импульс произведения и его общий дискурс составило осмысление свершающейся войны в бытийственном столкновении сил добра и зла, предвечного равенства народов и преступной претензии на одностороннее мировое господство,

агрессивной алчности и ответного спасительно-праведного мщения. В сюжете и композиции поэма представляет собой тризну, традиционный у славянских народов торжественно-поминальный и, одновременно, призывно-победный обряд, в данном случае – свершающийся на поле закончившейся битвы, – в составе Певца, поющего гимны, и Воинов, дружно вторящих Певцу. Всего гимнов двенадцать, и эта цифровая символика в её сакральном значении и календарном знаке повторяется также в 12-строчных строфах гимнов, составляющих в своей целостности поэтически типизированный русский нравственно-психологический и национально-исторический мир, оказавшийся перед фактом катастрофической угрозы своему существованию, причём жизненные ценности выстраиваются в гимнах Певца в строгой смысловой последовательности и нарастании идейно-эмоциональной энергетике. Так, воздав в первом вступительном гимне славу павшим героям, поэт сразу обращается к Отечественной истории в её героическом спасительном потенциале, к великим полководцам прошлого. И у читателя по сей день занимается дух при виде этой грандиозной героико-романтической картины:

*Смотрите, в грозной красоте
Воздушными полками
Их тени мчатся в высоте
Над нашими шатрами.
О Святослав, бич древних лет
Се твой полёт орлиный.
«Погибнем! Мёртвым срама нет!
Гремит перед дружиной.*

И вслед за этим третий и четвёртый гимн славят Родину, Отчизну. Это гимны стране нашего бытия, радости жизни в переживании красоты природы – поля, холмы родные, собственного детства, юности и зрелости, любви и дружбы. Ведь там наши жёны, чада, – наше личное родовое и общегосударственное настоящее и прошлое:

*И царский трон, и прах царей,
И предков прах священный.*

И гимн самому царю, как символу в то время и гаранту Российской государственности. Но самый большой по объёму пятый гимн и за ним шестой, центральные в общей архитектонике поэмы, это уже сама Отечественная война, это гимны ратным и вождам, т.е. рядовым воинам и генералам, полководцам, коих в поэме 26. Причём Жуковский даже при самом высоком пафосе романтической героизации являет своих персонажей в конкретных жизненных свойствах и боевых делах, в увлечениях мирной жизни, иногда в биографических деталях и даже в чертах внешности, и поэтому все они для современников были доподлинно узнаваемыми. Это ранение генерала Воронцова, известный манёвр генерала Кудашева, геройская смерть самого молодого генерала (в 22 года!) Кутайсова, увлекавшегося в мирное время поэзией и музыкой (Во струны ль арфы ударял – / Одушевлялись струны), смертельное ранение генерала Багратиона. И возглавляет в поэме этот героико-патриотический ряд Главнокомандующий Русской армией фельдмаршал князь Кутузов:

*Хвала тебе, наш бодрый вождь
Герой под сединами!
Как юный ратник, вихрь, и дождь
И труд он делит с нами
О, сколь с израненным челом
Пред строем он прекрасен!
И сколь он хладен пред врагом
И сколь врагу ужасен!*

Таковы его внешность и героический характер в неразрывном единении полководца и воинства. И здесь же картина реального появления орла в небе перед Бородинской битвой во время смотра Главнокомандующим своей Армии, что было воспринято всеми как знак грядущей Победы:

*О диво! Се орёл пронзил
Над ним небес равнины.
Могущий вождь главу склонил.
Ура! Кричат дружины.*

Но хронотоп поэмы, её художественное время и пространство выходят далеко за пределы Бородинской битвы, отражая события до неё и после. Это подвиг генерала Раевского в бою под Салтановкой 23 июля с легендарным эпизодом участия в этом бое его юных сыновей, и успешные партизанские рейды атамана Платова, Фигнера, Дениса Давыдова, который в мирное и военное время одинаково счастливый певец вина любви и славы.

Седьмой гимн переводит вектор авторского вдохновения и читательского сопереживающего пафоса на уровень философско-поэтического осмысления насильственно-захватнической войны французов и спасительной Отечественной войны русского народа. Автор вскрывает внутреннее бессилие армии Наполеона, восходящее из тьмы племён, из «двунадесяти языков», которые реально жаждут низложения императора, а его самого поэт перифрастически именуется пришлецом, хищником, злодеем. Всенародный характер освободительной войны провозглашается в словах:

*Сокровищ нет у нас в домах...
В мечи – серпы и плуги.*

И заведомым приговором преступному нашествию гремит лира Певца:

*Отведай, хищник, что сильней,
Дух алчности иль мщенья?
Пришлец, мы в родине своей;
За правых Провиденье!*

Следующие три гимна в возрастающей энергетике катарсиса охватывают русскую духовно-нравственную и художественно-эстетическую сферу в составе дружбы, любви и поэзии, которые в условиях священной войны выступают в своей предельной концентрации и достоинстве. Здесь мирная личная дружба становится тождественной святому братству воинов в своей главной народно-освободительной задаче:

*Написан кровью наш союз
И жить и пасть друзьями.*

И более того – образ возлюбленной оказывается в неизменном соприсутствии воина-героя:

*Она на бранных знаменах,
Она в пылу сраженья;
И в шуме стана и в мечтах
Весёлых сновиденья.*

Но гимн Певца чистым музам в дар славит всё героико-патриотическое направление русской литературы в охвате семи веков от легендарного Бояна из «Слова о полку Игореве» до современности. Ведь вправду:

*Певцы – сотрудники вождям;
Их песни – жизнь победам.
И внуки, внемля их струнам,
В слезах дивятся дедам.*

Здесь имена поэтов Ломоносова, Петрова, Державина. И наконец, сам автор в автобиографической характеристике своей довоенной лиры, игравшей тихим лишь полям, и лиры героико-патриотической, когда сам поэт непосредственно там, «Где стук мечей. Где ужасы войны»...

Одиннадцатый гимн Певца составляет кульминацию сюжета поэмы и её героико-патриотического пафоса. Именно здесь поэт обретает слова концептуально-высшего значения и нравственно-психологической проникновенности. И здесь же в полную силу звучит мотив общеславянского масштаба:

*Подыдем чашу!..
Богу сил!
О, братья, на колена!
Он искони благословил.
Славянские знамена.*

И здесь же в поэтике благородного романтического максимализма поэт излагает нравственный кодекс русского народа в дедукции от Творца до личности каждого и – мужественно молитвенного заключения: «О! будь же, русский Бог нам щит!»

И, наконец, двенадцатый гимн Певца, составляющий развязку сюжета в виде готовности к новой битве, когда уже:

*Кони ржут, грызя бразды;
И строй сомкнулся с строем;
И вождь летит перед ряды
И пышет ратник боем.
И мы знаем, что вождь здесь – Кутузов.*

В своё время Пушкин писал Жуковскому: «Никто более тебя не имеет права сказать: глас лиры – глас народа», и не случайно в Великую Отечественную, в 1944-м, «Певец» Жуковского был издан отдельной книжкой, а уже в наше время В.Н.Ганичев отметил: «Певец во стане русских воинов» – это лучшая традиция отечественной литературы».

Победа над Наполеоном, по словам Пушкина, – это «в бездну повалили мы тяготеющий над царствами кумир, //и нашей кровью искупили //Европы вольность, честь и мир». Чтение героической поэмы В. А. Жуковского в её 12-и гимнах приобретает для нас особую и непременно значимость в залоге верности самим себе, своей исторической общности и современным перспективным взаимосвязям. Мир поэмы Жуковского грандиозен в своих гражданско-нравственных масштабах, героически-благородный и художественно прекрасный.